

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

В Л А Д И М И Р М О Р О З

ОБРЕЧЁННЫЕ НА ЗАБВЕНИЕ

Маленький солдат большой войны

Владимир Мороз

Обреченные на забвение

«Реноме»

2014

УДК 821.161.1-3
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

Мороз В. В.

Обреченные на забвение / В. В. Мороз — «Реноме»,
2014 — (Маленький солдат большой войны)

ISBN 978-5-91918-750-9

В конце сентября 1941 года у небольшого украинского села Оржица разыгрался один из заключительных актов трагедии попавших в окружение частей Юго-Западного фронта. Горстка тяжелораненых бойцов принимает свой последний бой, давая шанс окруженным товарищам пробиться на восток. Находясь на грани смерти, не имея ни малейшего шанса на спасение, они еще живут тем, что у них осталось, — своей памятью.

УДК 821.161.1-3
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91918-750-9

© Мороз В. В., 2014
© Реноме, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Мороз

Обреченные на забвение

Глава 1

Петр вытер глаза рукой, щипало так, будто в них попал песок. Приподнялся на руках и огляделся: ночь уходила, в очередной раз прощаясь, как будто навсегда. На востоке небо начало сереть, там пробуждалась ото сна жизнь. Получится ли еще когда-нибудь увидеть рассвет, Петр не знал, поэтому, перевернувшись на спину, молча наблюдал за величавым действием, происходившим сейчас вокруг него. Ночные тени, медленно задрожав, отступали, поверженные светом, прятались, чтобы дожидаться вечера и снова укрыть землю своим черным одеялом. И так происходит уже миллионы лет без изменений. Вот и сейчас он, маленький человек, незаметная песчинка в бесконечной Вселенной, наблюдает всего лишь одну из таких смен ночи и дня.

Длинная беспокойная осенняя ночь подходила к концу. Хорошо, что удалось пережить ее и не умереть. Вот только жаль, что поспать как следует не получилось, хотя к недосыпанию в последние месяцы молодой крепкий организм уже привык. Несколько раз Петр впадал в забытие, то ли от усталости, то ли от боли. Он уже сам не понимал, чего же было здесь больше.

Очистив винтовку от прилипшего к ней песка, он отточенным движением загнал патрон в ствол. Подтащил запасные обоймы поближе, чтобы были прямо под рукой. Голыми руками подправил свой окопчик, в котором лежал, не вставая, уже вторые сутки.

Жутко болели ноги. С левой стороны сильно ныла голень. Так, как это бывало еще в детстве, когда он ночами не мог спать и мама, милая любимая мама, сидела подле его кровати, натирая ноющую ногу мазями, купленными у бабы Прасковьи, известной на всю округу знахарки, потому что обычные лекарства, которые можно было приобрести в районной аптеке, совсем не помогали. А бабкино зелье на время снимало боль. И тогда он, уткнувшись в теплые мамины руки, переставал плакать и засыпал. Странно, но днем нога совсем не беспокоила, он носился, как обычный мальчишка, не обращая на нее внимания. Но наступал вечер, вместе с ним приходила и боль. И только когда Петя подрос и пошел в школу, боль незаметно отступила – то ли организм сам оттолкнул ее, то ли помогла, наконец-то, вонючая бабкина мазь. Теперь нога ныла лишь изредка, в основном когда резко менялась погода. А сейчас стояла затяжная осенняя сырость. Днями моросил мелкий дождик. Низкое серое небо укрывало Петра с товарищами от вездесущих немецких самолетов, которые не успевали точно прицелиться, проносясь на бреющем полете прямо над головами. Поэтому их очереди и небольшие бомбы не приносили большого вреда, чаще падая в стороне от вырытых неглубоких окопов.

Болело правое колено, как будто он снова, бегая уже будучи школьником, провалился на полной скорости в вырытую яму. Несколько дней после этого Петр не мог ходить. Отец даже возил его в районную больницу, где пожилой доктор с отеками от постоянной пьянки глазами, дыша перегаром, долго щупал кости, тихонько бормоча что-то себе под нос. Затем сказал, что это всего лишь сильный ушиб и перелома нет. Назначив лечение, принял от отца бутылку водки и, улыбнувшись, добавил, что через неделю можно будет снова бегать. Так оно и получилось. Уже через несколько дней Петя гонял с ребятами мяч, совершенно забыв про большую ногу. Нынче, лежа в своем окопе, он снова ощущал эту сильную боль.

Петр грустно улыбнулся пересохшими губами и посмотрел вниз – ног у него не было. Пару дней назад их оторвало снарядом, который разорвался рядом. Санитар тогда вытащил его из боя, и на телеге, нагруженной такими же, как и он, покалеченными жертвами идущей войны, Петра привезли в санчасть, где и оперировали. Седой доктор с уставшими глазами, в перепачканном кровью халате, дал парню выпить полстакана спирта, других обезболивающих

не было уже давно. Затем Петра, вырывающегося и громко матерящегося от дикой, нечеловеческой боли, держали несколько санитаров, навалившихся со всех сторон, пока доктор успевшей затупиться от постоянных операций пилой резал ему кости. Мокрому от пота, обессиленному от страданий бойцу дали выпить еще немного спирта, вкус которого он совсем не ощутил, и унесли на брезентовую подстилку в палатку, чтобы освободить операционную для следующего раненого.

Со дня на день их должны были эвакуировать, увезти подальше от передовой, чтобы затем, придя в себя, они влились в большую армию калек, в большинстве своем не нужных больше ни семьям, ни государству. Но других мужиков практически не осталось. Всех, кого можно было забрать, уже забрали, оставив самых нужных и самых беспомощных, но и до них может скоро дело дойти. Такими темпами мужиков в стране скоро совсем не останется. Вот и придется потом им, безруким да безногим, стоять у станков наряду с детьми и бабами, выпускающая так нужные фронту снаряды, патроны и оружие. А также пахать, сеять, убирать и заниматься многим другим, что им приходилось делать в обычной жизни. И за все это получать нищенское пособие по инвалидности. Но это было бы лучше, чем ползать по рынкам да вокзалам, вымаливая копеечку на пропитание. Хотя этим тоже многие не гнушались, чтобы хоть как-то раздобыть кусок хлеба. Хорошо еще, подумал Петр, что не успел семью завести да детей настрогать. А то пришлось бы им, бедным, потом мучиться.

Но случилось вполне ожидаемое, и ситуация с эвакуацией резко ухудшилась. Окончательно окружив и загнав большое количество советских войск сюда, под Оржицу, немцы успели перекрыть последние пути отхода, оседлав единственную земляную дамбу, ведущую на восток сквозь топкие торфяные болота. Маленькая самолетная площадка, на которой еще могли приземлиться небольшие одномоторные самолеты У-2, простреливалась со всех сторон. И это было верное самоубийство – попытаться посадить туда самолет, чтобы вывезти парутройку калек. Из высокого армейского начальства кто смог, тот уже улетел. Но это были в большей степени важные, «незаменимые» тыловики. Боевые командиры предпочли до самого конца остаться со своими солдатами, чтобы в полной степени разделить тяжелую судьбу вверенных им частей. С этого момента они оказались в плотной ловушке, откуда почти не было выхода. И если живые здоровые люди имели хоть какой-то шанс выжить, пробившись с боем через плотные порядки немцев или, в конце концов, сдавшись и уйдя на запад в бесчисленных колоннах пленных, то с ними, тяжелоранеными, все было предельно ясно. Если немцы, придя сюда, пожалеют их, то, значит, просто перестреляют или переколют штыками. Если нет, то раненые умрут в тяжелых муках от голода, заражения крови или от отсутствия элементарной помощи. Точно такая же верная смерть, но растянутая на несколько дней или даже недель, тут уж кто сколько протянет.

Так они лежали на своих грязных подстилках, брошенных поверх прошлогодней соломы, смирившись с неизбежностью и умоляя Господа если не о чуде, то о скорейшем избавлении от мук, от которых могла спасти всего одна метко брошенная бомба. А вокруг гремел непрекращающийся бой. Иногда в палатке появлялись санитары. Кого-то приносили, а кое-кого, навсегда успокоившегося, уносили, чтобы положить в большую яму, выкопанную заранее на отшибе. Ее, переполненную, уже стали было засыпать, но со стороны немцев вдруг прилетел очередной снаряд, убивший двух санитаров и разметавший вокруг останки умерших, заставив их погибнуть во второй раз. Куски тел собрали и сгребли обратно в образовавшуюся на месте братской могилы воронку – появилось еще одно место для складирования трупов.

Когда появился раненый политрук, Петр не помнил – наверное, он в этот момент лежал в забытии. Потом вдруг он отчетливо услышал громкие слова. Петр открыл глаза. Посредине их импровизированной больничной палаты стоял невысокого роста человек, без одной ноги, опираясь на сделанный из березовой ветки костыль. На нем была перепачканная рваная форма с нашивками старшего политрука. На одной ноге сапог, а на месте другой была завязана узлом

выше колена пустая штанина, сквозь которую проступали красные пятна. Но говорил человек спокойным поставленным голосом, словно не замечая своей боли. Политрук не призывал к подвигу за Родину и за Сталина, ни слова не сказал о будущей победе и о памяти в сердцах потомков. Обрисовав сложившееся положение, он не стал лукавить и врать. Прямо сказал о том, о чем думал каждый из лежащих здесь: что помощи ждать неоткуда и все, кто находится здесь, обречены на смерть. Но сейчас у них появилась возможность не просто лежать и дожидаться ее прихода, а подороже продать свои жизни этой беспощадной старухе с косой. Принять свой последний бой с наступающим со всех сторон противником, чтобы дать возможность своим еще здоровым товарищам не возиться здесь с ними, выполняя моральный долг, а собрать усилия в одном месте и попытаться прорваться через проклятую дамбу на восток. Для этого они, полумертвые, должны выйти на боевую позицию, в окопы, и задержать немцев.

Пока политрук говорил, в палатке стояла тишина, перебиваемая только стонами да бессознательным бредом умирающих.

– Неволишь или заставляешь никого не буду, – закончил свою речь говоривший, – кто пойдет, скажите. Неходящим поможем. Кто захочет, пусть остается.

– Я пойду, – взметнулась вверх чья-то забинтованная рука.

– И я! Меня возьмите! И меня! Эх, помирать так с музыкой! Чем могу – помогу! – зашумели голоса в палатке.

Петр тоже вскинул руку. Он захотел быть как все, решив, что раз уж выхода все равно нет, то почетная смерть в бою намного лучше ожидания ее здесь, на соломенной подстилке.

Ходячие, помогая тем, кто не мог двигаться самостоятельно, медленно побрели в сторону находящихся невдалеке траншей, расположенных на окраине Оржицы на возвышенности, где отражали очередную немецкую атаку их товарищи. Петька вскарабкался на спину санитаря, обхватив руками его шею.

– Не тяжело? Донесешь? – спросил он видавшего виды худого, но жилистого старика.

– Донесу, ты ж без ног в два раза меньше весишь, прямо как пушинка. Только держись покрепче. Руки устанут – крикни, передохнем.

– Хорошо, отец, пошли помаленьку.

Согнувшись под весом, санитар двинулся в путь. Когда их полуживое войско прибыло к окопам и стало менять обороняющихся, сумевших отогнать очередную волну наступающих фашистов, у тех слезы выступали на глазах от такого зрелища. Закаленные в кровавых боях солдаты не могли скрыть чувств, оставляя вместо себя этих обреченных на верную смерть и не имевших ни единого шанса выжить калек – своих товарищей. Но зато у них самих появилась возможность избежать участи навсегда остаться на этом крутом берегу, появился шанс пробиться, вырваться к своим, чтобы потом продолжить воевать и отомстить за тех, кто готов сейчас пожертвовать за них своими жизнями.

– Браточки, мы вас не забудем! – говорили они, прощаясь.

– Да идите же поскорее, – ругались на них калеки, – не травите душу!

Раненых снабдили оружием, благо его много осталось от убитых за последние дни в этих местах красноармейцев. Нашелся даже один станковый пулемет с покореженным взрывом бронещитком и пробитым кожухом, дыру в котором заткнули деревянной пробкой, чтобы не вытекала вода, предназначенная для охлаждения ствола. А это уже было грозное оружие. Не было проблем и с патронами. Недалеко валялось несколько разбитых повозок с этим добром. Так что с лихвой хватило всем. И тем, кто уходил, и тем, кто оставался. Тех, кто не мог ходить, уложили в небольшие вырытые окопчики впереди траншей – хоть какая-то защита от вражеских пуль да снарядов. Санитар аккуратно опустил Петьку возле одного такого, свежевырытого, почти в середине линии обороны, прямо напротив тихой и спокойной речки с названием, как у деревни: Оржица. Немного поправил обвалившиеся края, нарвал пожухлой травы и, приподняв раненого, постелил внизу.

– Как-никак, а помягче лежать будет, – сказал санитар, стыдливо пряча глаза, словно чувствуя себя виноватым перед этим медленно умирающим человеком за то, что принес его сюда, где тот должен был своей смертью помочь выжить ему, здоровому и крепкому еще старику. Он даже хотел остаться, не в силах совладать с чувством давящей совести, но медсестра Наташа в приказном порядке отправила его вместе с врачами и другим медперсоналом на прорыв.

– Здесь вы, товарищи, уже ничем не поможете. А вот во время выхода ваше умение обязательно понадобится. Кто будет лечить новых раненых? Вытаскивать с поля боя, оперировать, эвакуировать? Так что идите, и пусть вас не мучает совесть. Вы свое дело здесь сделали. А поухаживать за оставшимися я и одна смогу, – заявила она таким строгим голосом, что ее просто побоялись послушаться. Правда, ей пришлось применить немного крепких словечек, чтобы объяснить это рвущимся разделить судьбу своих подопечных молоденьким медсестричкам, почти школьницам, совсем недавно оказавшимся на передовой. Наташа, не стесняясь в выражениях, рассказала девушкам, что сделают с ними фашисты, когда ворвутся сюда. Сказала это так, что неопытные в таких делах девочки покраснели, словно созревшие помидоры. Оставив кое-какие медикаменты, персонал опустевшей санчасти ушел вместе с пехотинцами.

Так обреченные на смерть остались одни, если не считать Наташу, по собственной воле решившую разделить их тяжелую участь. С виду это была немолодая женщина немного за сорок, с поседевшей головой. Про нее говорили, что она никогда не улыбалась. И что только ни делали раньше раненые, какие веселые глупости ни устраивали, чтобы развеселить медсестру, – все было бесполезно. Строгий взгляд не выражал ничего, словно какая-то маска навсегда закрыла это рано постаревшее, но все еще довольно милое лицо. И никто в медсанбате, кроме главного врача, не знал, что Наташе еще не исполнилось и тридцати. Войну она встретила на границе, где служил ее муж, приехав к нему с детьми в самом начале лета. Как только рано утром двадцать второго июня раздались первые взрывы, ее Костя вскочил, лихо радочно оделся и, поцеловав жену и велев ей немедленно спрятаться с детьми в подпол, убежал на заставу. Она так и хотела сделать, но только подняла своих маленьких дочек с кровати, как в дом попал снаряд, в одно мгновение перевернувший ее жизнь. Придя в себя после кратковременной потери сознания и каким-то чудом выбравшись из-под упавшей потолочной балки, в клубах медленно оседающей пыли Наташа заметила разорванные тела детей, лежащие в лужах растекающейся под ними крови. Под звуки немецких мотоциклов, заполнивших деревенскую дорогу, обезумевшая от горя, она похоронила на сельском кладбище все, что ей удалось собрать. Сверху маленькой могилки посадила любимую тряпичную куклу Вареньки, старшенькой дочки. На небольшой деревянной доске написала имена детей, посидела еще немного и ушла, не оборачиваясь. К вечеру ее волосы побелели. Мужа она больше не видела. Да она и сама не искала с ним встречи, даже представить не могла, что скажет ему о детях. Пусть для Кости они все еще остаются живыми, решила она тогда. Через две недели скитаний по белорусским лесам Наташа перешла линию фронта и в первой попавшейся дивизии устроилась в медицинский батальон. Несколько лет назад, еще до замужества, она окончила медицинское училище, так что взяли ее без промедления, тем более что медицинских работников очень не хватало. С этого дня для нее настала новая жизнь: полностью отдавшись тяжелой работе, она стремилась заглушить сердечную боль. И никто не знал, что эта строгая медсестра боится оставаться одна, а когда ложится передохнуть, то все время видит один и тот же сон, в котором к ней тянутся маленькие детские ручки, умоляя о спасении.

И вот сейчас, прекрасно понимая, на что идет, она решила остаться здесь, чтобы своим присутствием облегчить страдания раненых, сделать так, чтобы в последние минуты своей жизни они не чувствовали себя брошенными. Сама сдаваться в плен Наташа не собиралась. Для этого она всегда носила с собой заряженный пистолет. Пять патронов в фашистов, мстя за разрушенную жизнь, и два себе. Конечно, хватит и одной пули, но вдруг в нужный момент случится осечка.

Взвалив на плечо сумку с медикаментами, Наташа пошла вдоль окопов, спрашивая, не нужна ли кому-нибудь помощь.

Через несколько часов, хорошенько обработав из минометов передний край советской обороны, немцы пошли в очередную атаку со стороны реки. Наверное, решили быстро покончить с последним очагом сопротивления в этом месте и заставить солдат либо сложить оружие, либо умереть. Здесь, с крутого берега, со стороны обороняющихся были хорошо видны перебегающие внизу по песчаной полосе, заваленной трупами, серо-зеленые мундиры. По команде того самого одноногого политрука раненые открыли огонь, заставивший гитлеровцев вначале залечь, а потом, после ряда безуспешных попыток подобраться поближе, отступить.

Петр вытер пот рукой – для кого-то из фашистов эта атака оказалась последней благодаря именно его стрельбе. Значок «Ворошиловский стрелок», полученный еще до призыва в армию, говорил сам за себя. Стрелять из винтовки Петр умел и любил. Поэтому часто на учебных стрельбах командиры ставили его в пример другим солдатам. Ну а потом мастерство пришлось оттачивать, стреляя уже по живым людям. Странно, но он не забыл первого убитого врага, еще с той, зимней войны, который, остановившись метрах в тридцати, посылал в него пулю за пулей, быстро передергивая затвор своей винтовки. А Петр, лежа в неглубоком окопчике, вырытом прямо в снегу, все никак не мог решиться выстрелить в ответ. Одно дело бить по мишеням, а другое – по живым людям. Пусть и врагам, но по живым, состоящим из крови и плоти.

Наконец, получив хорошую плюху вперемешку с отборным матом от взводного, он нажал на курок. Человек, стрелявший в него, как-то нелепо вскинул руки вверх и мешком завалился на землю, роняя винтовку. После того, первого в его жизни утреннего, совсем не учебного боя, Петр, насмотревшись на убитых и раненых товарищей, понял одну простую мысль, являющуюся основой философии войны: если не ты убьешь врага, то он убьет тебя. Осознав это, стрелять в людей стало легче. Это было на первой в его жизни войне. А здесь, на второй, все было как-то по-другому. Более зло, жестко, но при этом более уверенно. Наверное, сказывался приобретенный опыт. А может быть, потому, что началась она по подлому, неожиданно, хотя вроде и ждали. И с первых дней пришло ожесточение, когда, выходя из окружения, они напоролась на разгромленный обоз с беженцами. Ему еще долго снились искромсанные штыками дети, мертвые полуголые женщины в разорванных платьях – легкая добыча, доставшаяся на забаву оголтелым убийцам. И этот приторно-страшный сладковатый запах мертвечины, витающий в воздухе. Они не стали тогда хоронить погибших, уж слишком близко шли по пятам немецкие загонщики, автоматными очередями выгоняя их к большаку, на котором группу красноармейцев поджидали пулеметчики на мотоциклах, чтобы взять в плен или убить. Не дожидаясь команды, они, добыча, вдруг как один развернулись и пошли на загоняющего их врага, вскинув пустые, без патронов, винтовки. Тогда в первый раз Петр убил немца голыми руками. Тот спокойно менял магазин в автомате, но, встретившись глазами с выскочившим на него красноармейцем с диким взглядом, вдруг замер, затем трясущимися руками судорожно стал пытаться перезарядить оружие. Как дикий зверь, Петр набросился на фашиста, повалил его на землю и со всей силы сжал горло врага. Подергавшись немного, соперник затих, вытаращив стекленеющие глаза на белосинем лице. И только тогда Петя ослабил руки и оглянулся. Вокруг кипела ожесточенная рукопашная схватка. Орудовали руками, ногами, штыками, прикладами. Тихий мат, громкие крики, стоны раненых, хрипы умирающих раздавались вокруг. Гитлеровцы, не ожидавшие такого от загнанных в угол испуганных людей, вначале опешили, но потом, увидев свое численное превосходство, бросились в драку. Одно они, правда, не учли: после увиденного на лесной дороге каждый красноармеец дрался с неистовой злобой, мстя за убитых детей и их матерей. Не обращая внимания на стреляющие в упор автоматы, красноармейцы заставили немцев бежать, спасаясь от неминуемой смерти. Не успели оставшиеся в живых победители прийти в себя, как вокруг стали раздаваться взрывы. Это убежавшие фашисты решили

наказать своих обидчиков, вызвав огонь минометов по пшеничному полю, на котором все происходило. Ярость огня накрыла тогда выживших, разрывая тела, пронзая многочисленными раскаленными осколками, заставив их пожалеть, что они не умерли несколько минут назад.

Услышав близкий вой мины, Петр свалился на землю, прикрывшись телом задушенного немца, принявшего на себя большую часть осколков. Под разрывами, теряя уцелевших людей, красноармейцы бросились в лес, надеясь спрятаться под деревьями. Но оттуда по ним открыли плотный огонь из автоматов и пулеметов. Началась паника. Теперь каждый спасал себя. Мечась по этому небольшому полю, солдаты находили только смерть, летящую к ним со всех сторон. Мало кому удалось тогда выжить. Одним из таких счастливиц оказался Петр, потерявший сознание от ударной волны после близкого взрыва.

Ночью, придя в себя, с раскалывающейся от боли головой он выбрался из-под тел, навалившихся на него сверху, и сел, глядя в звездное небо. Наконец, уняв внутреннюю дрожь от пережитого, он окончательно пришел в себя. Под холодным светом луны обошел место боя. Вокруг были только трупы красноармейцев, немцы, похоже, забрали своих погибших и отошли. Сняв с одного убитого уцелевшую в схватке флягу, в которой оставалось еще немного воды, Петр жадно выпил ее большими глотками. Головная боль стала заметно меньше.

Подобрав найденную винтовку и опираясь на нее, он пошел в сторону дороги, надеясь поскорее перейти на другую сторону, пока еще было темно. За горизонтом с севера и востока грохотало. Там, далеко в небе, то и дело мелькали всполохи огней, и только спустя минуту доносился звук тяжелых разрывов.

Глава 2

«Сколько же времени прошло с той поры? – думал он сейчас, лежа в небольшом окопчике на возвышенности, и сам себе отвечал: – Три месяца». Как это много и как мало одновременно, всего чуть больше чем девяносто дней, четверть года. А сколько событий произошло за это время, сколько пришлось пережить! Тут и десяти жизней не хватит рассказать. Даже не верится, что совсем недавно была мирная спокойная жизнь. А ведь если бы не война, он бы уже демобилизовался и помогал родителям убрать урожай, заготовить дрова, готовясь к очередной зиме.

Петр снова грустно улыбнулся. Жалко, но папа с мамой никогда не узнают, где и как погиб их единственный сын. Наверное, через месяц-другой придет им казенная бумажка с надписью: «пропал без вести». Так и будут до конца жизни думать, что вот-вот вернется их Петенька. А его уже много лет не будет в живых. Бедные, они даже не смогут побывать у него на могилке.

Предательские слезинки от жалости к самому себе выкатились из уголков глаз. Петр отложил на время винтовку, которую сжимал в руках, и ладонью провел по лицу, вытирая выступившую влагу.

Первый день в окопах прошел неплохо, некогда было думать о боли, и ей пришлось на время затаиться. Наступил вечер. Солнце медленно большим оранжевым кругом, пробиваясь сквозь тучи, уходило за горизонт, неслышно призывая всех к спокойствию. Незадолго до этого немцы предприняли еще одну атаку на бугор, но на этот раз со стороны деревни, стараясь подобраться поближе, прячась за брошенными грузовиками, которых здесь стояло превеликое множество и которые вдруг, словно по взмаху волшебной палочки, превратились из хороших помощников в мертвые куски железа. Петр не участвовал в отражении этой атаки, лежа на другой стороне опоясавшей верхушку холма траншеи, в направлении реки. Оставалось только оглядываться, но так все равно ничего не было видно. Поэтому пришлось лежать молча, прислушиваясь к звукам доносящейся сзади перестрелки. Насколько он помнил, все поле возле деревни было заставлено грузовиками, стоявшими ровными рядами, как на параде. Там находились тыловые службы Юго-Западного фронта, как и они, попавшие в ловушку. И вот сейчас сотни машин – брошенных, разбитых, разграбленных – напоминали о былой мощи умирающей здесь армии.

Немцев отогнали, и они, напоследок нанеся очередной минометный удар по высотке, ушли ночевать, оставив дозорных на случай, если вдруг окруженные попытаются пойти на прорыв. Оставшиеся гитлеровцы всю ночь освещали небо ракетами, которые бледно-холодным мерцанием рассекали темноту.

Ночью некоторые из раненых красноармейцев, кто мог двигаться, сползали к стоящим автомобилям, принесли патроны, немного еды. Кто-то пробрался к реке и принес так нужную воду. Пусть она и отдавала болотной гнилью, но это была живительная влага. Первым делом ее залили в кожух пулемета и только потом раздали раненым. Получилось всего по несколько глоточков, но зато разделили на всех, по справедливости. Снова собрав фляги, ходячие раненые пошли вниз к реке, чтобы запастись водой на завтрашний день. Но немцы услышали звуки и ударили туда из минометов, так что обратно на позиции вернулись не все.

В середине ночи к Петру подошла Наташа, обходящая раненых, принесла ему шинель.

– Давай повязку поменяю, а то загноение начнется, – она присела около окопчика и вытащила из сумки моток серого, десятки раз мытого-перемытого бинта.

– Зачем? – Петр пожал плечами. – Я не собираюсь жить вечно, а свой срок уж как-нибудь протяну. Оставь лучше для завтрашних боев. Наверняка другим понадобится. Фрицы будут с утра лезть, как тараканы у нас в столовке.

– Ну как знаешь, – медсестра убрала бинт обратно. – Там ребята конину варят в блиндаже, у тебя котелок есть с собой?

– Нет, вместе с ногами потерял.

– Да ладно ты, не ерпенься, – Наташа укрыла Петра сверху шинелью. – Ну вот, всяко теплее будет, прямо как в лучших домах. Ладно, котелок с ложкой я тебе добуду, не с голоду же теперь помирать, а мясной бульон всегда полезен, с ногами ты или без.

Она встала и пошла дальше вдоль окопов, останавливаясь возле каждого бойца. Через час Наташа вернулась вместе с двумя однорукими солдатами, аккуратно тащившими небольшой термос. Кто-то успел раздобыть в стоящих машинах кучу котелков, и под руководством того самого одноногого политрука каждый из живых получил по целой поварешке несоленого мясного бульона с маленьким кусочком вареной конины в придачу.

Петр, повернувшись на бок, выпил горячее содержимое котелка, чувствуя, как становится теплее внутри. Долго жевал жесткое мясо, не решаясь его выплюнуть. Силы обязательно придутся. А еда – это дополнительная энергия.

Неожиданно открылось кровотечение на левой культе, он почувствовал это по сделавшемуся вдруг мокрым краю шинели, которого он случайно коснулся рукой, пытаясь определить свой теперешний рост. Ощувив внизу что-то липкое, Петр перевернулся на спину и запустил руку к ногам. Под левой культей уже натекла небольшая лужица крови. Помогая себе руками, Петр сел. Немного кружилась голова. Подтянув шинель, он острым снарядным осколком, лежавшим рядом, сделал внизу нее небольшой разрез и, приложив усилие, оторвал узкую ленту. Этой полоской Петр перетянул себе ногу в середине бедра, как раз немного выше отреза. Наташу звать на помощь он не стал, решив, что сделает это, если кровь не остановится. Через какое-то время кровотечение прекратилось, но зато мокрая культя стала сильно мерзнуть. Обернув ее шинелью, Петр откинулся на спину. От слабости кружилась голова, ноющая боль внизу никак не успокаивалась, не давая возможности уснуть, чтобы хоть ненадолго отрешиться от всего в эту бесконечно тянущуюся холодную ночь.

Незадолго до рассвета пришел знакомый солдат, которого звали Миша, высокий и худой, словно жердь. Он служил в их дивизии в артиллерийском полку ездовым. Одно время позиции артиллеристов и пехоты были совсем рядом, поэтому солдаты хорошо знали друг друга. Несколько дней назад Мишу серьезно ранило в левую руку, ее пришлось отрезать выше локтя из-за начинавшейся гангрены. И вот сейчас в своей длинной шинели, пустой левый рукав которой болтался в такт шагам, он шел вдоль траншеи, разнося патроны. Узнав в мерцающей от осветительных ракет полутьме Петра, присел рядом, прямо на землю.

– В левом кармане, кажись, немного табачку было и кусок бумаги, скатай сигарку, а то сам не могу, – не поздоровавшись, хриплым голосом попросил Миша.

– Давай, – Петр повернулся на бок, чтобы удобнее было двигать руками. Сам он не курил, но часто видел, как самокрутки из собственного самосада делал отец, смоливший, как паровоз, из-за чего в избе всегда пахло крепким табаком.

В школе Петр попробовал с ребятами покурить, но, крепко затянувшись с непривычки, долго потом не мог откашляться от тяжелого дыма, попавшего в легкие. После этого желание стать курильщиком, как отец, пропало напрочь.

Вытащив из кармана Михаила тощий кисет и аккуратно сложенный обрывок газеты, Петр не спеша, стараясь не проронить в темноте ни крошки махорки, сделал свою первую в жизни самокрутку.

– Готово, – сказал он довольным голосом, рассматривая свое творение под тусклыми отблесками очередной немецкой осветительной ракеты, медленно падающей невдалеке.

– Огонь есть? – Миша взял самокрутку в правую руку.

– Нет. Я ж не курю.

– Эх, ладно, пройдусь поспрашиваю, – Миша встал и, оставив ящик с патронами, пошел вдоль траншеи. Вскоре он вернулся, держа в руке зажигалку, сделанную из патрона.

– Подсоби, а то самому никак, слишком высоко оттяпали, даже прижать не получается, – кивнул он в сторону культи.

– Наклоняйся, – Петр зажег огонь и поднес его к лицу Михаила. Тот с наслаждением затаился, выпустив облако серого дыма, своим тяжелым запахом накрывшее Петра. Затем присел рядом, пряча огонек сигарки в ладони, – сказывалась привычка, выработанная на войне, чтобы не стать легкой добычей немецкого снайпера.

– Наши вчера прямо под огнем мост восстановили. Немцы лупят из пушек и пулеметов, а они бревна таскают. Командовал полковник, кавалерист. Ему взрывом руку оторвало. Кто-то из своих его и понес в тыл, здесь не оставили. Лишь бы дошли. Но молодцы наши, мост доделали и ушли по нему... Ну как ты? – немного помолчав, спросил Миша.

– Хреново, – не стал лукавить Петр. – Кровотечение открылось, пока остановил, много крови потерял. Сам-то почему не ушел? Ноги есть, шанс выйти, стало быть, тоже есть. Протез поставишь, будешь как все, никто и не поймет, что рука деревянная.

Михаил немного помолчал, продолжая вдыхать папиросный дым:

– Выйти-то, может, и смог бы, ты прав. Только кому я без руки нужен буду? Я часовщиком был на заводе. Знаешь, какая там точность нужна при сборке? Эх, брат, тут и двух рук мало, не то что одной.

– Но ведь правая-то на месте, что-нибудь другое делать начнешь. Писарем, например, устроишься.

– Хм, – Миша грустно улыбнулся, – так-то оно так, только, брат ты мой, я правой рукой пишу как курица лапой. Левша я. Все только левой рукой и делал. Да и не хочу товарищам обузой быть. Им немецкие кордоны проходить, тут не до раненых будет. А в плен мне не резон, еврейских корней много. Так что решил с вами остаться. Мне ребята пистолет дали, с ним пока управляюсь, а перезаряжать помогут. Вот патроны таскать могу, за водой ходить, так что пригожусь. Лучше пусть семье похоронка придет, чем я беспомощным инвалидом приеду. Хоть какая-то пенсия по потере кормильца будет. Для меня до ветру сейчас сходить и то трудно. А ты с какого времени в дивизии? – решил сменить он тему.

– С сентября 39-го, в осенний призыв попал. Дивизия тогда на границе с Эстонией стояла. Там и учились. А ты?

– С мая 41-го, на сборы призвали, – Миша смачно затаился. – Только и успел жену с дочкой поцеловать напоследок. Думал, месяц-другой – и домой. Так в военкомате сказали. А тут как закрутилось! – он махнул рукой. – Финскую-то успел застать?

– Ага. С самого начала. Правда, нас, молодых, особо в бой не пускали, так что почитай все время во втором эшелоне просидел. Но насмотреться всего успел.

– Ребята рассказывали. Даже и не знаю, когда нашему брату тяжелее было, тогда или сейчас.

– Сейчас тяжелее, Миша, там земля чужая была. А здесь по своей отступаем. В глаза бабам да старикам смотреть боимся. Стыдно.

– Ну ладно, отдохай, – Миша потушил окурочек и спрятал его в карман. Затем встал, поднимая здоровой рукой ящик. – Пойду дальше. Патроны надо всем разнести. Бывай, может, еще зайду.

Петр снова улегся на спину. Ноги продолжали болеть, но усталость все-таки побеждала. Глаза закрывались, очень хотелось спать, несмотря на редкие выстрелы, мерцание осветительных ракет и холод.

Вдруг почему-то вспомнилось, как его провожали в армию. Кто-то говорил ему, что перед смертью всегда пролетает жизнь. А что у него сейчас осталось? Только память. Будущего нет, в его короткой жизни осталось только прошлое.

Когда пришла повестка, мама вдруг побледнела. Петр и сейчас, словно наяву, помнит ее испуганные глаза, зато отец был натянуто бодр:

– Служи, сынок, не посрами нас с матерью, а мы уж будем молиться, чтобы беды какой не случилось за это время.

– Все будет хорошо, папа, кто ж решится на нас напасть? Тут уж совсем сумасшедшим нужно быть. Мы этим империалистам проклятым так поддали на Халхин-Голе да Хасане, что они еще сто лет трястись от страха будут. Так что не переживайте, отслужу свое и вернусь. А тогда уж и жениться можно будет, – рассмеялся он.

Но хотя и жили они в глухой деревне Псковской области, туда уже доходили всякие тревожные слухи. Ситуация во всем мире накалялась. Германия под руководством новоявленного фюрера Адольфа Гитлера расширила свои границы за счет аннексии Чехословакии и Австрии. И теперь с азартом хищника, почувствовавшего свою силу, посматривала на другие страны Европы, желая поскорее избавиться от нехороших воспоминаний о Версальском договоре, заключенном после поражения в Первой мировой войне и, по мнению большинства немцев, являющемся позорным для всей страны. 23 августа 1939 года был подписан договор о ненападении между СССР и Германией, более известный как пакт Молотова – Риббентропа, тем самым Гитлер получил хорошие гарантии невмешательства в свои будущие конфликты мощного восточного соседа. А уже через неделю, 1 сентября, немецкие войска вошли в Польшу. Польские союзники, Англия и Франция, клявшиеся ей в вечной любви, через два дня объявили войну Германии, однако дело дальше не пошло. Они предпочитали не вмешиваться и не предпринимали активных действий, спокойно выслушивая панические крики польского правительства, которое, быстро сообразив, что совсем скоро война будет проиграна, поспешно покинуло страну, бросив ее на произвол судьбы. 17 сентября, выдержав необходимую паузу, с запада в Польшу вошли части Красной армии, воссоединив белорусские и украинские земли в единое целое, нарушенное в начале 1920-х годов. Это случилось после советско-польской войны, так бездарно проигранной амбициозными молодыми советскими военачальниками, получившими хороший опыт в Гражданской войне и увлеченными идеями мировой революции, но при этом совсем забывшими о том, что постоянно наступающей армии нужны отдых, пополнение и питание. И тогда произошло то, что поляки до сих пор называют «чудом на Висле»: голодные, оборванные, обескровленные и, самое главное, бесконечно уставшие части Красной армии просто не смогли сдержать под Варшавой последний натиск полуразгромленной польской армии и покатались назад, бросая имущество и сдаваясь в плен. В результате большая часть западных земель некогда великой Российской империи почти на двадцать лет перешла под покровительство Польши, разъединив родственников, друзей и соседей вновь установленной границей, заставив их жить в разных странах и лишив возможности безбоязненно и спокойно общаться, ездить друг другу в гости и даже писать письма. И вот сейчас эти земли снова объединялись, хотя и происходило это далеко не мирным способом. Оказавшись между двух огней, поляки предпочитали не вступать в вооруженные стычки с частями Красной армии, хотя мирной эту прогулку тоже нельзя было назвать. Однако, как бы там ни было, железной рукой двух европейских диктаторов, при молчаливом созерцании остальных правителей, государство Польша вновь перестало существовать. Договорившись с немцами о ее разделе, Советский Союз в обмен на Варшавское и Люблинское воеводства выторговал у них Виленский край и вернул его Литве, у которой он в 1920-х годах был нагло отобран Польшей и присоединен к своим землям. Наверняка это делалось не просто так, а исходя из каких-то стратегических интересов, но для литовцев это был щедрый подарок. Вдобавок к этим землям Литва получила кусочек уже освобожденной Белоруссии.

Одновременно с событиями, происходящими на западе, СССР обратил внимание на северо-западные территории, решив укрепить свой выход в Балтийское море за счет созданных не очень давно Эстонской и Латвийской республик. Кроме этого, велись переговоры об

уступке Финляндией части Карельского перешейка, для того чтобы подальше отодвинуть границу, проходившую всего в паре десятков километров от Ленинграда, – справедливо полагалось, что такое близкое соседство со вторым городом в стране, «колыбелью революции», может негативно отразиться на его судьбе в случае какой-нибудь военной агрессии, если Финляндия вдруг решит сыграть на чужой стороне. Взамен этого финнам предлагались площади в Карелии в несколько раз больше тех, которые они должны были утратить. Но финны считали эти доводы несущественными и не соглашались ни на какие условия, стараясь сохранить земли своих предков, густо усеянные добротными хуторами и разросшимися кладбищами вокруг старых прочных кирх.

И вот в это время, когда над миром ступали свинцовые тучи предстоящей большой войны, Петру и пришел срок пополнить ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Поэтому в указанный повесткой срок, рано утром, захватив заплечный мешок, собранный накануне матерью, попрощавшись с родителями, Петя по раскисшей от начинающихся осенних дождей дороге ушел в райцентр. А к вечеру в команде таких же новобранцев он уже ехал в грузовике в неведомую даль. Машина, то и дело подпрыгивая на кочках, резво неслась по дороге в сторону Пскова. Было шумно, немного холодно от задувавшего под брезент ветра, но весело. Тем более что строгий на вид молодой лейтенант, сопровождавший их, ехал в кабине, назначив ответственным за порядок в кузове призванного вместе с ними не очень старого сельского учителя, который сразу же уткнулся в книгу и пытался во время бесконечной тряски в полутьме прочитать хоть одну страницу. Ему это быстро надоело, и теперь он, надвинув кепку на глаза, делал вид, будто спит, лишь иногда посматривая, чтобы новобранцам вдруг не захотелось выпить чего-нибудь покрепче воды. Но взять с собой горячительное никто, вероятно, не решился, так что дорога прошла спокойно.

Глава 3

Открыв глаза и в очередной раз увидев прямо над головой немецкую осветительную ракету, Петр снова прикрыл их, продолжая в полудреме вспоминать события своей недолгой армейской жизни. Ведь всего два года назад это было. А кажется, что уже целая вечность прошла.

Машина с новобранцами проехала через Псков, но не стала там останавливаться и двинулась дальше на юг. Разговоры понемногу стихли, было непонятно, куда же их все-таки везут. Но судя по тому, как уверенно водитель объезжал ухабы на шоссе, дорога была ему знакома.

Через час приехали в маленький городок Остров, расположенный на берегу реки Великая, на невысоких холмах вокруг многочисленных болот. Машина свернула и, проехав немного по проселочной дороге, миновав открытый шлагбаум, въехала на территорию воинской части. Так они оказались в 75-й стрелковой дивизии, которая всего четыре месяца назад перебрасалась сюда из украинского города Лубны, что на Полтавщине. Дивизией в ту пору командовал комбриг Александр Михайлович Степанов.

Сквозь дрему Петру подумалось: странное совпадение, Лубны – это же сейчас так рядом, меньше пятидесяти километров.

Как рассказали тогда, на первом построении, дивизия, в которой им теперь предстояло провести два года, была сформирована еще в далеком октябре 1925 года в Мариуполе. Причем в ее формировании участвовали офицеры из известной на всю страну знаменитой 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, прославившей себя в годы Гражданской войны. С 1931 года она квартировала на Полтавщине, среди красивых зеленых лиственных рощ и золотистых пшеничных полей. А в мае 1939 года она получила приказ переместиться под Псков, сюда, где бесчисленные полчища комаров так и лезли из непроходимых болот и дремучих лесов, где на небольших клочках земли ютилось множество маленьких деревень с почти одинаковыми убогими деревянными домишками местных жителей, потом и кровью добывающих себе пропитание на этих не очень богатых землях. После построения всех прибывших новобранцев, а собралось их к вечеру несколько сотен, стали распределять по частям. Петя попал во второй батальон 28-го Вышневолоцкого стрелкового полка. Он еще помнил, какой странной ему показалась тогда ситуация: полк 28-й, а на знамени был указан номер 144. Но командир взвода потом объяснил, что это наследство 25-й Чапаевской, там был полк с таким номером.

С первых дней у новобранцев началась суровая армейская жизнь – командиры не давали продыху, гоняя их с одного занятия на другое. Каждое утро зарядка, пробежка в несколько километров с голым торсом, затем приседания, отжимания, наклоны и потом снова бег. И ни дождь, ни ветер не могли помешать этому. Куда уж тут каким-то кровососушим насекомым, которые кружить кружили громким роем, но, видно, ошарашенные таким зрелищем, кусать людей почему-то не спешили.

Почти все они, вновь прибывшие, в первые же дни стерли ноги в кровь, хотя казалось, что наматывать портянки умели еще с малых лет. Пришлось учиться этому заново. Здесь уж на них, молодых, отводил душу старшина роты, который смог бы стать чемпионом страны по скоростному наматыванию портянок. Ни единой складочки не допускал он, заставляя своих подопечных снова и снова снимать и надевать сапоги.

Единственное, что нравилось в армейской службе, – это хорошее питание. Петр так и не смог забыть свое полуголодное детство и такую же юность. Он сам, воспитанный в крестьянской среде, знал, как тяжело доставался их семье кусок хлеба. О мясе вообще можно было только мечтать; оно было по большим праздникам и то не всегда. А в армии его давали каждый день.

Военный городок, в котором размещалась дивизия, был полупустой. Здесь оставались только учебные подразделения и склады. Основные силы дивизии совсем недавно выдвинулись западнее Пскова и находились сейчас южнее Псковского озера, прямо у границы с Эстонией, судьба которой решалась в эти дни в кабинетах Кремля. Советский Союз в категоричной форме настаивал на разрешении со стороны эстонского правительства разместить на территории страны тридцатипяти тысячный гарнизон Красной армии и базы Военно-морского флота. Переговоры проходили тяжело, одновременно обе страны стягивали войска к границе, приводя их в боевую готовность. На случай неудачи Советский Союз разрабатывал планы военного решения вопроса, войска Ленинградского округа уже получили приказ о подготовке к проведению наземной операции. Флот также находился в состоянии боевой готовности. 28 сентября 1939 года план военной операции был утвержден народным комиссаром обороны Ворошиловым. Прямым текстом министру иностранных дел Эстонской республики Карлу Селтеру было сказано, что его страна может разделить судьбу Польши. Ситуация была накалена до предела. В результате, осознав всю беспомощность своего положения и не сумев договориться с другими европейскими странами об оказании какой-нибудь реальной помощи в случае начала конфликта, эстонская сторона, отчаянно торгуясь по каждому предложенному пункту, пошла на уступки. И в ночь на 29 сентября был подписан Договор о взаимопомощи между Эстонской республикой и СССР сроком на 10 лет, предполагающий размещение 25-тысячного контингента войск Красной армии на ее территории. Краснознаменный Балтийский флот получил право на два года базироваться в Роухюла и Таллине. Таким образом, на этот раз удалось договориться бескровно.

Тем временем в начале октября советская 8-я армия начала перегруппировываться поближе к латвийской границе, конфликт с этой страной еще не был урегулирован. А уже с 18 октября начался ввод на территорию Эстонии 65-го особого стрелкового корпуса. Особыми документами солдатам и офицерам было категорически запрещено пропагандировать советский уклад жизни и ущемлять права и свободы эстонских граждан.

Конечно, в военном городке молодые солдаты не знали всех этих особенностей большой политики, продолжая постигать азы суровой военной жизни. Петр помнил, как он первый раз попал в наряд и пришлось целые сутки, почти без сна, быть дневальным, а в перерывах между дежурствами на входе в казарму драить пол, умывальник, туалеты и все, что приказывал дежурный по роте. Постоянная усталость и недосып – вот основные спутники мирной армейской жизни, понял он тогда. Но, несмотря ни на что, такой уклад Петру начинал нравиться, так как появлялось чувство принадлежности к целому исправному механизму, маленьким винтиком которого он стал себя ощущать. И для слаженной работы этого большого и сложного механизма от каждого требовалось беспрекословное и точное исполнение своих обязанностей, отданных приказов и поручений. Все это называлось одним словом – армия.

Через месяц в торжественной обстановке приняли присягу, вот теперь по праву можно было считать себя красноармейцем. Петр помнил, что в этот день их, молодых солдат, отпустили в увольнение, и он со своими новыми друзьями, Семкой и Пашкой, в свежевыглаженной чистой форме, в новых шинелях и буденновках с большой звездой посередине ходили по городку, гордо поднимая подбородки, наслаждаясь взглядами прохожих, а затем, купив мороженое, пошли в кино. Тогда шел «Чапаев», и они были бесконечно счастливы от того, что служить приходится в дивизии, имеющей пусть и далекое, но отношение к самому Василию Ивановичу.

А потом снова начались армейские будни. Несколько раз они выходили на стрельбище, где впервые пришлось пострелять из настоящей трехлинейки боевыми патронами, правда пока лишь по фанерным мишеням.

Уже в конце октября основные силы дивизии, вернувшиеся к тому времени от эстонской границы, начали перебрасывать сначала в сторону Ленинграда, а потом дальше, в Карелию, где запахло новой предстоящей войной. На этот раз в Острове практически никого не оставили, в

поход выходили все. Большими маршевыми колоннами, на машинах и лошадях, таща за собой полевые кухни, обозы, пушки, растянувшись на десятки километров, дивизия двигалась вперед. На ночь останавливались на какой-нибудь опушке леса, быстро ставили палатки, маскировались. Затем, перекусив сухим пайком, люди старались хоть немного поспать, согреться и обсушиться, выставив охрану, чтобы с раннего утра снова двинуться дальше. Резко похолодало, сильные ветра вперемешку с мокрым снегом замедляли и без того невысокую скорость передвижения. Ноги в брезентовых сапогах ужасно мерзли, портянки за короткое время отдыха не успевали просохнуть, и их приходилось наматывать еще сырыми. Шинель тоже совсем не защищала от влаги, она впитывала ее и становилась от этого еще более тяжелой, своим весом давя на плечи.

Обойдя Ленинград с востока, до Шлиссельбурга, расположенного на берегу Ладожского озера, там, где Нева берет свое начало, добрались более-менее спокойно. Дальше дороги были сплошь забиты войсками, двигающимися на северо-восток в обход Ладоги. Похолодало еще сильнее, ударили сильные морозы, все заледенело. Путаницы во время движения было много. Колонны мешались между собой, часто возникали заторы. Четко налаженный армейский механизм дал сбой. В этом хаотическом нагромождении машин, танков, лошадей и пехоты порядок навести не удавалось. Сильный русский мат висел в воздухе, разными интонациями и диалектами описывая общую суматоху. Большие начальники матерились на маленьких, те, в свою очередь, отрывались еще на более мелких, ну а последние уже на солдатах. Скорость продвижения еще более замедлилась. В день делали всего пару десятков километров. Часто приходилось стоять на месте, пропуская то одни, то другие части.

В середине пути сапоги стали разваливаться, «просить каши». Причем это было не только у Петра, но и у многих сослуживцев. Ноги постоянно мокли и мерзли, портянки сушить было некогда. Петр обратился к ротному пожилому старшине за помощью, но тот только наорал на него и пообещал пару внеочередных нарядов за порчу имущества. Но зато этот старшина, не в пример предыдущему, из учебки, был отходчивый и к вечеру сам нашел Петра.

– Ты уж потерпи, сынок, весь запас обувных гвоздей уже раздал, а мастерская и склады, будь они неладны, где-то отстали, найти не могу. Зайди после ужина, дам вторую пару портянок, пока одни будут мокнуть, вторые сохнуть, – невесело улыбнулся он, – больше пока ничем помочь не могу. Дойдем до места, там и будем приводить себя в порядок, а пока нужно потерпеть.

Наконец с горем пополам добрались. Оказалось, пока дивизия выдвигалась к своему месту назначения в семидесяти километрах западнее Петрозаводска, в район между двумя деревнями: одной с финским названием Эссоила и другой – с поморским Крошнозеро, война уже началась. Советский Союз жестко настаивал на своих условиях, Финляндия не хотела уступать, переговоры зашли в тупик. В результате, спровоцировав повод, в восемь часов утра 30 ноября 1939 года советские пушки громко заявили о нежелании продолжать бессмысленную дискуссию.

75-я стрелковая дивизия вошла в состав 1-го стрелкового корпуса 8-й армии комдива Хабарова Ивана Никитича, которая наступала севернее Ладожского озера на запад. По плану, обойдя Ладогу, правый фланг должен был продолжать намеченное движение, а левый повернуть на юго-запад с задачей выйти в тыл финнам, обороняющимся на «линии Маннергейма», чтобы тем самым помочь 7-й армии, наступающей от Ленинграда. И пока дивизия продолжала сосредотачиваться в указанном месте, части 8-й армии уже втянулись в ожесточенные бои. Как и в большей части Финляндии, местность в этих краях была труднопроходимая. Густые леса, топкие болота, каменные холмы принуждали наступать вдоль узких заросших дорог, растягивая свои коммуникации. Здесь почти не было мощных оборонительных сооружений, таких как на Карельском перешейке, поэтому финны рассчитывали только на маневренность, превосходное знание местности и отличную лыжную подготовку, полученную еще с раннего детства. Что

им могли противопоставить наступающие части, не имевшие даже маскировочных халатов? А про лыжи многие солдаты знали только понаслышке. Вот и шли по дорогам, пробирались по пояс в снегу, неся лыжи в руках.

В начале декабря дивизия, дождавшись подхода всех подразделений, двинулась вслед за наступающими войсками, которые, миновав границу, продвинулись на несколько десятков километров вглубь Финляндии.

Мало что запомнил Петр с той войны. Но до смерти не забудет, как сильно он мерз. Отходя, финны эвакуировали свое население и сжигали дома, чтобы наступающим красноармейцам негде было обогреться в суровые морозы. Шинели, буденновки и полуразвалившиеся за время дальнего перехода сапоги оказались совершенно негодными для войны в таких условиях. Холод пробирал до костей. Не помогало даже выдаваемое старшиной соленое сало. Его ели, закусывая замерзшими сухарями, чтобы хоть как-то защитить организм от истощения. Именно в финском походе Петр, как он считал, окончательно погубил свои ноги. Даже потом, когда наступило лето и их перебросили на юг, он так не смог избавиться от ощущения озноба внизу. Ложась спать, кутал и никак не мог согреть холодные, как ледышки, ступни.

Глава 4

После утомительного перехода от эстонской границы, практически не отдохнув, уставшая и замерзшая дивизия вступила в войну.

Первый бой они приняли 14 декабря, придя на помощь соседям, 139-й стрелковой дивизии, обескровленной от бессмысленных фронтальных атак на финские пулеметы. Сформированная на Смоленщине всего за пару месяцев до начала войны, эта дивизия, не успев как следует подготовить молодое пополнение, была брошена в бой. И как только над ее флангами нависла угроза охвата со стороны недавно прибывшего на фронт 16-го пехотного полка финнов, измотанные до предела от холода, голода и постоянных атак по глубокому снегу солдаты поддались панике, побежали, бросая оружие и подставляя спину врагу. И если бы не пришедший вовремя в расположение деморализованной дивизии второй батальон 28-го полка 75-й дивизии, то неизвестно, чем бы закончилась эта бойня. Выйдя в середине дня к небольшому домику лесника, комбат быстро оценил обстановку и приказал закрепиться на указанном рубеже. Валились прямо в снег, руками сооружая перед собой из снега что-то наподобие невысокого бруствера. Это был их первый настоящий бой.

Как же было страшно тогда! Наверное, за все время, которое Петр провел на обеих войнах, он больше никогда не испытывал такого ужаса. Руки тряслись, патроны вываливались, когда он перезаряжал винтовку, чтобы не целясь выстрелить куда-то туда, где вдалеке белели фигуры наступающих лыжников и откуда били пулеметы, поднимая совсем рядом фонтаны снега. Несмотря на то, что лежать пришлось прямо на земле при сильном морозе, холода он не ощущал. Наоборот, пот застилал глаза, винтовка казалась горячей от стрельбы. Тогда им повезло, и хотя в таком перепуганном состоянии находилось не так уж и мало солдат, все-таки сказались подготовка и непрекращающиеся тренировки там, в учебной роте. Постепенно огонь выровнялся, испуг прошел, уступив место сосредоточенной деловитости. Пулеметы, установленные прямо на снег, помогли не пропустить финских солдат, подобранных уже совсем близко, почти вплотную. В результате один свежий, не поддавшийся общей панике, подготовленный батальон остановил финский полк, прикрыв спины бегущих товарищей из 139-й дивизии. Правда, здесь стоит отметить и артиллеристов дивизии с их плотным огнем, и тыловые подразделения, взявшие в руки винтовки, чтобы помочь прибывшему батальону соседей отбить эту атаку и не дать себя окружить. Отступив, финны больше атак не предпринимали, собирая многочисленные захваченные трофеи и укрепляя свои позиции.

С этого дня две дивизии, 139-я и 75-я, находились рядом, поддерживая и меняя друг друга. Причем доходило до полного абсурда: полки одной дивизии часто передавались в распоряжение другой и обратно. Так что в один день приходилось воевать под знаменем своей дивизии, а в другой – выполнять приказы командира 139-й. Все это вносило еще большую сумятицу и неразбериху.

А на следующий день батальон вместе со вторым батальоном 115-го полка их дивизии перешел в наступление. После небольшой артиллерийской подготовки пришлось идти вперед по глубокому снегу, немного утопанному после предыдущих боев. На этот раз финны, лежа в снегу на опушке леса, обстреливали медленно продвигающиеся цепи красноармейцев, так хорошо выделяющиеся своими темными шинелями на белом снегу. Но, несмотря на это, им удалось пробиться к восточному берегу озера и заставить противника отойти на другую сторону. И уже здесь в роли мишеней были поспешно убегающие лыжники, часть которых так и остались лежать на льду. Однако потом произошло непредвиденное: соседи снова отступили, и в результате вырвавшиеся вперед батальоны попали в окружение. Пришлось занять круговую оборону и раз за разом, лежа в снегу, прячась за деревьями или камнями, отражать атаки

финских солдат, стремящихся как можно скорее уничтожить попавших в их ловушку красноармейцев.

– Петька, стреляй, не давай им подойти, – крикнул командир отделения сержант Поцейко и тут же упал, сраженный прямо в сердце пулей снайпера.

И Петр стрелял в мелькающие среди деревьев фигурки в белых маскахалатах, не давая им подобраться поближе, в горячке боя совершенно не обращая внимания на шипящие раскаленные пули, плавящие снег вокруг него. Рядом падали убитые, стонали раненые. Пороховой дым клубился над полем боя, мешая нормально дышать, звуки выстрелов и разрывы гранат больно били по ушам, но сейчас было не до этого. Держаться и не отступить – иначе смерть!

Почти двое суток дрались батальоны, сдерживая атаки и днем и ночью. Финны лезли со всех сторон, пытались найти слабое место, чтобы ударить по нему и рассечь силы противника, ослабить и лишит его возможности совместных действий. Обороняющиеся из-за постоянной угрозы со стороны снайперов боялись лишней раз высунуть голову, лежа в снегу с утра и до позднего вечера, когда сумерки скрывали их от убийц, прячущихся, как казалось, везде. Потери были большие, помощи почему-то не поступало, вот и приходилось рассчитывать только на себя и свои штыки. Как оказалось потом, остальные батальоны полка были заняты выбиванием финнов из захваченных деревень, где по плану должны были разместиться главные силы дивизии. Поэтому выручать попавших в окружение оказалось просто некому.

Заканчивались патроны, продукты. Непрерывающийся пронизывающий холод снова был на стороне противника. Ноги, уши, руки, щеки словно закаменели на морозе. Но на этот раз такого страха, как в первом бою, Петр не испытывал. Осознав свое положение, он понял, что выжить можно только держась всем вместе, стараясь добросовестно выполнять свои задачи и не поддаваться панике, которая так и витала рядом, молчаливо указывая на коченеющие трупы убитых товарищей, испытывая через стоны раненых и умирающих. На второй день, почти полностью израсходовав боеприпасы, поддерживая друг друга и вынося с собой раненых, им удалось вырваться из окружения, проложив себе дорогу штыками и соединиться со своими. Батальон потерял тогда убитыми 114 человек, они так и остались лежать между невысоких елей и замерзших болот. Среди погибших было много командиров, за которыми финны особенно охотились. Раненых насчитали 130 человек.

И только 18 декабря 1939 года 75-я стрелковая дивизия полностью сосредоточилась в указанном районе. Петр запомнил эту дату хорошо, потому что днем появился сияющий старшина и выдал горсть гвоздей, которыми вечером он сам ремонтировал уже почти полностью отвалившуюся подошву на сапогах. Правда, один гвоздь забил не очень ровно, и еще несколько дней царапал об него палец до крови, так как вытащить было нечем. И еще в тот день финский снайпер убил его друга Семку Митрофанова. Вечером они втроем, вместе с Пашкой Тимохиным, отойдя подальше, соорудили небольшой костер, обложив его повыше снегом, чтобы приготовить себе суп из концентратов, так как горячей еды не видели уже несколько дней. Вместо воды использовали снег, благо вокруг его было немерено. Котелки висели рядом, на одной палке, перекинутой через огонь. Семка наклонился над ними, чтобы проверить, не закипает ли вода, как вдруг невидимая сила отбросила его назад. Через секунду множественным лесным эхом долетел звук выстрела. Пуля попала прямо в голову, и смерть была мгновенной. Петру потом еще несколько дней снилась красная кровь на белом снегу. После этого случая разводить костры строго запретили.

С 22 по 24 декабря, прикрываясь заслонами, ведя ожесточенные бои, дивизия отошла на восточный берег реки Айттакоски, сохранив за собой небольшой плацдарм на ее западной стороне. Потери были просто огромные. За десять дней боев дивизия потеряла убитыми почти тысячу человек, полторы тысячи было ранено. Более 1600 человек пропало без вести, большая часть которых позже оказались убитыми, и только немногие, как выяснилось, попали в плен, однако их судьба тоже была незавидна. Когда в январе 1940 года дивизия снова перешла в

наступление и отбросила финнов на запад, Петр сам видел ямы, заполненные мерзлыми трупами погибших в плену красноармейцев.

Во время этого наступления, в одной из атак на хорошо укрепленные финские позиции, Петра ранило. Батальон широкой цепью атаковал засевшего противника, когда пуля пробила левое плечо и вышла наружу, по счастливой случайности не задев кость. Боль была жуткой – выронив винтовку, Петя опустился на колени, освободившейся правой рукой стараясь зажать рану. Он чувствовал, как наполняется кровью рукав шинели, и она, теплая, густая, но быстро остывающая на холоде, устремилась вниз, стекая тонкой струей между пальцами. Тотчас к нему подскочил Пашка Тимохин и, не говоря ни слова, присел рядом. Быстро вытащил перевязочный пакет, помог Петру стащить рукав шинели и принялся бинтовать рану прямо поверх гимнастерки. Затем набросил шинель обратно, застегнул пуговицы, чтобы другу не было холодно, и сунул поднятую винтовку в правую руку:

– Петька, дуй в санчасть, только пригнись, чтобы снова не задело.

А сам, схватив оружие, снова бросился в атаку, но не успел пробежать и десятка метров, как вскрикнул и упал, тяжело раненный в живот. На этот раз настал черед Петра спасти друга. Стащив с себя шинель и бросив ее на снег, он правой рукой затащил на нее скорчившегося от боли Пашку. Кое-как вытащил из своего кармана упаковку бинта, разорвал ее зубами и, стараясь громко не стонать от собственной боли, принялся перевязывать товарища.

– Держись, Пашка, потерпи немного, скоро выберемся, ты только не засыпай, – умолял он друга, чувствуя, как того быстро покидает жизнь.

Рана была серьезная. Пашка то и дело терял сознание, когда Петр что есть силы тащил его туда, откуда они всего несколько минут назад начали свою атаку. Навстречу уже спешил санитар, как Петя вдруг поскользнулся и, потеряв равновесие, упал на живот рядом с Павлом. В этот момент раздался легкий свист, и, подбрасывая вверх клочья мерзлой земли вперемешку с белым снегом, рядом разорвался снаряд. От громкого взрыва заложило уши, по спине словно кто-то ударил лопатой, а затем провел острыми граблями. Через несколько секунд, немного придя в себя, Петр почувствовал, как сзади все горит, словно его расцарапала дикая кошка. Приподнявшись, он взглянул на Пашку. Тот был мертв. Взрывом ему разворотило всю грудь. Сейчас он представлял собой огромное красное месиво из костей, мяса и внутренностей. Резкий запах теплой крови ударил в нос. К горлу подступил спазм, и Петю сильно вырвало. Внезапно кто-то сильный схватил его за шиворот и потащил. Это был санитар.

– Живой?! – громко крикнул он прямо в ухо, считая, что Петя контужен взрывом.

– Живой. Пашку только убило, – на глазах выступили слезы.

– Видел! – так же громко прокричал санитар. – Меня тоже немного поцарапало. Бежал бы чуть быстрее, сейчас бы рядом лежал. Давай хватайся, мотать отсюда надо скорее, пока снова не прилетело. – Он рывком поставил Петю на ноги. – Сам идти можешь?

– Могу. Можно мне Пашку вынести? – В смерть друга верилось с трудом, хотя она произошла прямо на глазах. – Он, наверное, просто ранен. Надо его вынести.

– Не дури, парень, – санитар посмотрел ему в глаза, – он мертв. Я видел. Давай, иди скорее туда, – он махнул рукой, указывая направление, – а я побегу дальше, наверняка еще раненые есть. Все, уходи быстрее, а то накроет. Пристрелялись, гады.

Развернув Петра в нужную сторону, санитар легко подтолкнул его в спину, а сам побежал догонять уходящую цепь, на секунду остановившись около тела Пашки.

Размазывая слезы по щекам, не пригибаясь, чувствуя, как сильно мерзнут раненая рука и разорванная спина, Петр медленно побрел в указанную сторону. В голове не укладывалось, что и Пашки уже нет на свете. Из их тройки настоящих армейских друзей, всегда поддерживающих и приходящих на помощь друг другу, он остался один.

После не очень успешных боев в середине февраля в дивизии сменился командир. На место не справившегося и допустившего такие неоправданные потери комбрига Александра

Михайловича Степанова был назначен его заместитель, Семен Иванович Недвигин, сорока шести лет, поджарый, крепкого телосложения, с короткой стрижкой почти под ноль, который славился своей строгостью и крутым нравом.

Про смену начальства Петя еще не знал, проходя лечение в переполненном госпитале Петрозаводска, куда его доставили через несколько дней после ранения. Сначала в родном медсанбате промыли и почистили раны, чтобы не возникло загноение, крепко перевязали так, что рукой было тяжело шевелить. И потом несколько машин, загруженных такими же ранеными, в сопровождении медсестер повезли их на восток. По дороге угодили под огонь перекрывших дорогу финских диверсантов, которым удалось отрезать от колонны один автомобиль. Когда на место прибыли вызванные по тревоге пограничники, выполняющие роль отрядов по охране тыла, они обнаружили только сожженный грузовик, наполненный обгоревшими человеческими останками, да валяющийся рядом остывший труп изнасилованной и заколотой штыком молодой медицинской сестры. Недалеко был утопанный лыжный след, уходящий в лес. Но идти по нему в преддверии надвигающейся ночи пограничники не решились, остерегаясь засады. Поэтому, взяв на прицеп санитарную машину вместе со скорбным грузом, они двинулись назад.

В середине марта, уже перед самой выпиской, Петя узнал об окончании войны. Эту весть он воспринял как-то грустно, без особой радости. Да и чему было радоваться, когда столько товарищей осталось на поле боя. Когда больше нет на свете ни Семки, ни Пашки. В один из дней он решился и написал письма родителям погибших друзей, стараясь как можно мягче описать произошедшие события. Тогда Петру казалось, что его послания помогут лучше справиться с накатившей бедой, чем сухая казенная похоронка. В голове был полный кавардак. Как-то не вязалась увиденная им бойня с выдающимися победами на озере Хасан и Халхин-Голе, которые так сильно прославляли советские агитаторы. Хотелось поскорее забыть, как страшный сон, эти кровавые холодные месяцы.

После окончания войны СССР отодвинул границу от Ленинграда почти на две сотни километров по Карельскому перешейку, также в прибавку получил обширные территории в Карелии и приобрел себе озлобленного проигравшим соседа, желающего дружить с любым врагом советской власти, чтобы в будущем вернуть свои потерянные земли.

В конце марта Петр прошел врачебную комиссию, которая признала его годным к строевой службе, и был отправлен обратно в свой полк. Добравшись до места, он узнал, что больше половины полка погибло или было ранено в этих зимних боях. Даже строгий, но справедливый старшина, служивший еще с Гражданской, не уцелел, сложив голову в карельских болотах. В ротах было много молодых незнакомых лиц, присланных в качестве пополнения. Их требовалось обучать, командиров для этого не хватало, и новый взводный, назначенный вместо убитого младшего лейтенанта Иванова, предложил Пете пойти в полковую школу младших командиров, чтобы тот стал сержантом. Подумав, Петр отказался. Согласно приказу от 1939 года, рядовые служили два года, а младшие командиры – три. Вот и не прельстился он тогда треугольниками младшего комсостава на петлицах, хотелось поскорее демобилизоваться, вернуться домой к родителям. Военная служба больше не радовала его, как раньше.

После войны жизнь постепенно возвращалась в мирное русло, не нужно было мерзнуть, бояться, голодать. Люди перестали ходить пригнувшись, вздрагивать от каждого шороха. Но что-то все равно витало в воздухе, какая-то незавершенность, недоговоренность, обида и тяжелая грусть. Дивизию вывели из болот, и их полк расположился на окраине сгоревшей деревушки, развернув походный лагерь. Кормить сразу стали лучше, в местных озерах было полно рыбы, которую вылавливали специально выделенные для этого команды. Возобновились занятия, командиры старались учить бойцов с учетом опыта только что закончившихся боев. По субботам, натянув простыню между двух вкопанных столбов, прямо на улице крутили кинофильмы. Все было спокойно, только огромные тучи комаров, лезущих из болот, казалось, были

готовы высосать всю кровь из человека, грозно гудя тяжелым роем над головой и ожидая момента, чтобы вонзить жало в незащищенное место.

В середине лета дивизия получила приказ и начала выдвигаться в новое место. На этот раз пунктом дислокации стал белорусский город Мозырь, центр Полесской области.

Пешком дошли до Петрозаводска, там погрузились в эшелоны и двинулись в путь. И снова побежали за окнами вагонов белые березки и бескрайние леса, изредка перемешанные с низкими деревянными избами.

Так и ехали они, грустно глядя по сторонам, непобежденные, но и не победившие...

Глава 5

Петр очнулся от короткой дремоты. Спина сильно затекла и теперь в пояснице ныла тупой болью. Он попробовал повернуться на бок, как любил раньше спать, но тело, лишившись ног, не могло найти подходящую точку равновесия. Поэтому пришлось, упершись руками, перевернуться на живот, стараясь немного унять спинную боль. Но в таком положении дремать было совсем неудобно, сразу же стала затекать шея, пришлось снова завалиться на спину. Петр немного выгнулся и, загребая руками, быстро соорудил в районе поясницы небольшой бугорок из песка. Улегшись, сразу почувствовал, что стало легче.

Небо продолжало сереть, становясь все светлее, приглушая свет луны и ночных звезд, кое-где проступающих сквозь тучи. Казалось, время почти остановилось, дав возможность обреченным до конца воссоединиться со своей памятью, подвести итог и хоть немного подольше пожить на этом свете. Но может быть, наоборот, это было очередное издевательство со стороны времени, которое лишь продлевало страдания, неслышно щелкая вечным и безжалостным хронометром. Легкий белый туман вырастал над рекой, мягко окутывая воду и прибрежные камыши, создавая иллюзию покоя. И если бы не далекие звуки выстрелов и взрывов, доносившиеся в той стороне, куда на прорыв ушли солдаты, да не тревожащие небо осветительные ракеты, можно было подумать, что и нет никакой войны, а это все просто дурной сон. И вот сейчас он проснется, разотрет онемевшие от холода ноги и пойдет на реку ловить рыбу, как любил это делать раньше, полностью погружаясь в чудный мир подводного царства. Сразу быстрой молнией в голове промчалось воспоминание, как однажды он в детстве с отцом ходил на рыбалку. Вечером развели костер, жарили хлеб с салом, долго разговаривали, а потом легли спать прямо около огня, чтобы не замерзнуть. Когда Петя проснулся, солнце уже встало, своими лучиками отогревая его от утренней прохлады. Отца рядом не было, и он немного даже испугался, но потом, приподнявшись, увидел знакомый силуэт на берегу. За то время, пока Петя спал, отец уже успел наловить почти полведра плотвичек вперемешку с окунями. Петя помнил, как сильно он тогда расстроился из-за того, что отец не разбудил его на зорьке, оставив досыпать. Он сильно раскапризничался и даже расплакался от такой обиды. Правда, потом успокоился, но то радостное чувство, с которым он пришел на реку, куда-то исчезло. И вот сейчас почему-то стало стыдно перед отцом за эту детскую несдержанность.

Петр улыбнулся: эх, сейчас бы вернуть то беззаботное босоногое детство. Хотя бы ненадолго, чтобы снова почувствовать себя по-настоящему счастливым, не испорченным взрослой жизнью.

Он закрыл глаза. Нужно беречь силы. Главное – не умереть сейчас быстро, несмотря на сильную слабость. Впереди тяжелый день. Скоро окончательно рассветет, и сюда снова полезут фашисты. И будут продолжать это делать – волна за волной, пока не перебьют их всех. Поэтому нужно держаться, помереть он всегда успеет.

– Петро, ты живой там? – раздался сиплый голос справа. Это сосед, танкист, его окоп в метрах пяти рядом.

– Живой. А ты-то как?

– Раз говорю, значит, еще не околел. У тебя водички не найдется? Сушит, будто всю ночь самогонку пил.

– Нет. Вроде хлопцы ходили, так по ним с миномета постреляли. Потерпи, может ходячий кто пойдет. Или Наташа появится.

– Да я бы сам сползал, да шевелиться больно. Лежу тут, как мумия египетская.

Петиною соседа звали Иван. Они, как оказалось, одногодки, оба с девятнадцатого года. Иван служил механиком-танкистом в 18-м танковом полку. Станный это был полк. Он входил в состав 32-й кавалерийской дивизии. Поэтому у него было много кавалерийских названий,

даже вместо обычных танковых рот были бронезкадроны, на вооружении которых находились броневые автомобили и уже устаревшие к этому времени быстрые танки БТ, сделанные по лицензии на основе американского легкого танка «Кристи». Правда, башни на эти танки ставили уже собственного, советского производства. БТ еще называли «прыгающим» танком за его умение на большой скорости перепрыгивать через горки, что производило на зрителей сильное впечатление во время показательных учений. Это был очень интересный танк, во время езды по шоссе с него снимались гусеницы, и он двигался на обрешеченных катках, развивая довольно приличную скорость. Вот только его броня была слабой и, как оказалось, пробивалась любой пушкой. К тому же бензиновый двигатель не отличался высокой надежностью, даже имелись случаи его самовоспламенения. Как у любого танка того времени, у БТ имелся еще один очень существенный недостаток: при попадании снаряда в отсек с бензобаком он моментально превращался в огненный столб, и выжить в таком аду было практически невозможно.

Именно таким ярким факелом горел танк Ивана, когда во время очередной атаки угодил под обстрел противотанковых орудий. Это был последний танк в полку, растерявшем свои боевые машины во время непрекращающихся летних боев еще на территории Белоруссии. И может, удалось бы Ивану вывести свою машину из-под огня, но слишком неровная местность вкупе с пудами налипшей на гусеницы грязи, образовавшейся на поле после прошедших накануне дождей и сильных боев, не давала возможности разогнаться, и он еле полз, пытаясь хоть как-то уклоняться от стреляющих почти в упор невысоких немецких пушек. Во время одного из таких маневров вражеский снаряд влетел в моторный отсек, и танк моментально вспыхнул. Весь экипаж сразу же погиб, только контуженному взрывом Ивану удалось каким-то чудом, обжигая руки, открыть свой раскаленный от огня люк и вывалиться наружу, в мокрую грязь, где он, ничего не соображая от боли, принялся кататься по земле, пытаясь потушить горящий комбинезон.

Когда после боя Ивана подобрали, на нем не было живого места – весь обгоревший, он представлял собой черный уголек, на котором, полные нечеловеческой боли, выделялись белокрасные зрачки глаз. Своим видом он испугал даже выдавших виды врачей, которые вместе с лоскутами кожи снимали обгоревшие остатки комбинезона с бесчувственного тела. Весь перемотанный бинтами от пяток до макушки, Иван действительно напоминал мумию, точно такую же, которую на картинке старой приключенческой книги видел Петр. Только глаза да небольшая щелочка рта оставались незакрытыми. Иван медленно умирал. Лежа недалеко от него, Петр слышал скрежет зубов, это отважный танкист глушил в себе стоны, вызванные чудовищной болью. Никаких мазей от ожогов в санчасти не было, да и разве можно было вылечить человека, на котором не оставалось и одного сантиметра необожженного тела. Часто теряя сознание от боли, тем не менее Иван настоял, чтобы его вынесли в окопы и дали винтовку. Ему не стали перечить, аккуратно положили на одеяло и принесли сюда, плотно набив окоп травой, чтобы не так больно было лежать. Во время первой немецкой атаки Петр слышал, как шелкала винтовка танкиста, правда, где-то в середине боя она замолчала, и он решил, что Ивана убило либо ранило. Но оказалось, что тот просто в очередной раз потерял сознание и очнулся уже тогда, когда немцы, отступая, скрылись в прибрежных камышах.

– Сам-то как? Может, сбегашь к реке? Ты теперь маленький, тебя точно не заметят, – зло пошутил Иван натужным голосом.

– Ага, разогнался, – грустно улыбаясь, ответил Петр, – может ты, как привидение, встанешь и сходишь? Немцы как тебя, такого красивого, увидят, в штаны наделают от страха. Еще не забывай выть по дороге, для пущей достоверности.

Иван негромко рассмеялся своим сиплым голосом:

– Какое мы нынче грозное мертвое войско. Знали бы они, с кем воюют, падлы. Вот поэтому, Петька, не победить им в этой войне. Ничего, братишка, я еще с собой парочку фри-

цев на тот свет успею захватить. Чем больше застрелю, тем легче другим будет, кто нам на смену придет.

Он снова заскрипел зубами, сдерживая боль. Затем затих, наверное, потерял сознание.

Уже почти рассвело, как опять пришел Миша и уселся рядом: – Ну как ты? Пить хочешь?

– Нормально. К бою готов, – пошутил Петр. – Глянь, там мой сосед еще живой? Дай ему первому водички, – он кивнул головой в сторону Ивана.

Миша встал и подошел к окопу танкиста, посмотрел внимательно, что-то пробурчал себе под нос. Затем присел, достал флягу, зажал ее между ног и, наклонившись, выдернул зубами пробку. Набрал в рот воды и брызнул прямо в лицо солдату. Тот издал протяжный, полный отчаянной боли стон, приходя в себя.

– А я смотрю, вроде не подох еще, – Миша протянул Ивану флягу, помогая приподняться, чтобы удобнее было пить.

– Я еще тебя переживу, доходяга, – ответил тот, жадно припадая к горлышку.

– Только все не выпей, тут кроме тебя много желающих, – строго заметил Миша.

Иван, сделав несколько глубоких глотков, остановился. Протянул флягу обратно:

– Извини, браток, что-то не подумал. Всю ночь пить хотелось жутко. Казалось, помру от жажды. Вот, думал, дорвался.

– Ничего, глотни еще немного, – подобрел Миша, – тебе сейчас надо.

– Хватит, браток, другим неси. Им тоже вода нужна. Как там обстановка вокруг?

– Да вроде без изменений. Ночью фрицы не лезли, все нас караулили, чтобы не сбежали. Сейчас проснутся, позавтракают и начнут.

– Это точно. Пунктуальные, падлы, – выругался Иван.

– Ладно, останешься живой – позже еще воды принесу, – сказал Миша, вставая и помогая Ивану снова устроиться в окопе. Затем он вернулся к Петру и протянул ему флягу:

– На, глотни, твой черед.

Петр сделал пару глотков мутной воды, отдающей болотом и гнилью.

– Ох, хорошо пошла, прямо как колодезная, – причмокнув, заметил он. – У нас дома колодец есть, еще дед копал. Вот там вода прямо кристальной чистоты. Холоднющая, просто ужас. Даже в жару когда пьешь – зубы сводит. Дед знал, где копать. Говорят, в этом деле первый мастер на всю округу был. Ветку лозовую возьмет в руку и бродит, бродит. Потом пальцем ткнет, мол, здесь копайте. Ни разу не ошибся. Сколько он этих колодцев построил, и не сосчитать. И везде вода как на подбор: прозрачная, словно роса. Вкуснее и не придумаешь.

– Ну ничего, если получится, попробую ночью поближе к стремнине подойти, где течение, может, там почище будет. А пока только такая. Болото кругом. Еще хорошо, что кровью не отдает, трупов на берегу много. И то повезло, что сам под мину не угодил. Кто-то так и не вернулся, немцы убили. Ладно, пойду, может, что погрызть добуду, а то чем мы не люди? Тоже питаться должны. Не все же на пустой желудок воевать, когда рядом такой автопарк с добром стоит, – Миша кивнул в сторону брошенных машин. Затем поднялся, пожелал Петру удачи и, спрыгнув в траншею, пошел, что-то тихонько насвистывая.

Окончательно рассвело. Редкие лучи солнца, пробившись сквозь тучи, пробежались по земле, прогоняя задержавшийся полумрак. Услышав нарастающие знакомые с детства звуки, Петр открыл глаза. Прямо над ним, то появляясь, то исчезая в облаках, летела стая журавлей, прокладывая себе дорогу в теплые страны. Их громкое курлыканье радовало слух, напоминая, что, кроме жестокой войны, на земле есть нечто совсем другое – мирное, настоящее, вечное. Петр с упоением смотрел вверх, наслаждаясь полетом этих свободных, гордых, сильных птиц, которым нет никакого дела до того, что творит человек, объявивший себя венцом эволюции и доказывающий это, убивая себе подобных из-за своих мелочных меркантильных интересов. И все это вместо того, чтобы жить в гармонии с матерью-природой.

Через некоторое время журавлиный клин улетел, окончательно скрывшись в облаках. И только его крик еще долго раздавался вдали, за горизонтом, вселяя спокойствие. Как только он окончательно заглох, на первый план снова вылезли звуки войны: далекие раскаты взрывов, треск винтовок и непрекращающиеся пулеметные очереди. Значит, там, на востоке, бой, продолжавшийся всю ночь, еще не закончен. И поэтому выходило, что не получается пока прорваться их товарищам из этого трижды проклятого кольца. Значит, задача наступающего дня будет прежней: продолжать оттягивать на себя силы немцев. Бить их, уничтожать, грызть зубами, душить руками! Как можно больше, чтобы у тех незнакомых красноармейцев появилась возможность проскочить, вырваться из этого гиблого места. Потому он должен жить. Не имеет права он, солдат Рабоче-крестьянской Красной армии Петр Скороходов, просто так умереть от ран. За его смерть, за смерть товарищей немцы должны заплатить десятками своих жизней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.